

Побегуца Алексей Васильевич**Pobegutsa Alexey Vasilevich**соискатель кафедры философии
Кубанского государственного аграрного
университета имени И.Т. ТрубилинаPhD applicant,
Philosophy Department,
Kuban State Agrarian University**ДИАЛЕКТИКА
ТРАДИЦИЙ И ИННОВАЦИЙ
В ХОЗЯЙСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЕ****THE DIALECTICS OF
TRADITIONS AND INNOVATIONS
IN ECONOMIC CULTURE****Аннотация:**

Гармоничное сочетание традиций и инноваций в хозяйственной культуре может обеспечить взлет модернизационных преобразований. В случае догоняющей модернизации, когда общество не готово к восприятию нового, успехи преобразований могут быть сомнительными. Актуальность темы состоит в том, что в современных условиях России необходимо выйти на собственный – национальный путь развития, найти те рычаги воздействия, которые дадут толчок хозяйственной модернизации с учетом особенностей российской национальной культуры и требований современного российского общества. Новизна исследования заключается в том, что была предпринята попытка проанализировать хозяйственный опыт Китая, успешно сочетающего традиции и инновации, и найти в российской культуре потенциал и механизмы, являющиеся залогом успешных реформ в настоящем и будущем.

Ключевые слова:

традиция, инновация, диалектика, хозяйственная культура, модернизация, культурные установки, культурные механизмы, ценности, общество справедливости, социальное государство.

Summary:

The combination of traditions and innovations in economic culture has the rise of modernization transformations with a harmonious ratio. If modernization is catching up, when society is not ready to perceive the new, the success of innovation is less. The relevance of this topic is that modern Russia needs to enter its own national development path, find the levers of influence that will give impetus to economic modernization, taking into account the peculiarities of Russian national culture and the requirements of modern Russian society. The novelty of the research is related to an attempt to analyze the economic experience of China, which successfully combines traditions and innovations, as well as to discover in Russian culture the potential and mechanisms that are the key to real and future successful reforms.

Keywords:

tradition, innovation, dialectics, economic culture, modernization, cultural attitudes, cultural mechanisms, values, justice society, social state.

Диалектика традиций и инноваций имеет давнюю историю и проявляет себя схожим образом во всех сферах культуры [1]. Если традиция передает определенные общественные установления, нормы поведения, ценности, идеи, обычаи социального и культурного наследия от поколения к поколению во всех областях общественной жизни, то инновация – явление культуры, которого не было на предшествующих стадиях ее развития. К ним относятся технологии, формы организации общества от образования, управления до организации труда.

Диалектика заключается в том, что наступает процесс внедрения этого нового в ткань культуры уже в качестве новой традиции с фиксированным получением дополнительной ценности, например прибыли, опережения, приоритета, улучшения, качественного сдвига, прогресса. Понятие «инновация» относится как к радикальным, так и к постепенным изменениям в продуктах, процессах и стратегии организации. Исходя из того что целью нововведений является повышение эффективности, экономичности, понятие инновационности можно отождествить с предприимчивостью и восприимчивостью к новым идеям усовершенствования работы организации (государственной, хозяйственной, морально-этической).

Инновационная деятельность направлена на изменение технологий, логики, методов и поэтому рискованна. Под риском обычно понимают такие обстоятельства, которые способны вызывать неблагоприятные, непредусмотренные результаты в самом процессе деятельности. Ульрих Бек ввел понятие «общество риска». Современные риски, в отличие от опасностей прошлых лет, – это последствия, связанные с масштабом модернизации и порождаемой ею глобальной нестабильностью и неопределенностью. В обществе риска неизведанные и неожиданные последствия приобретают характер господствующей силы [2, с. 21–22].

Однако общество может вводить механизмы страхования риска и давать гарантии компенсации потерь, ущерба при осуществлении той или иной деятельности, более того, поощрять, поддерживать инициативу индивидов, групп и категорий населения. Социальная традиция воспроизводит социальный опыт взаимодействия с другими людьми, организуемый для выполнения

общих задач. Этот опыт важен для информирования их о своих намерениях и учета намерений других, что является значимым в любых начинаниях, тем более связанных с модернизацией хозяйственной деятельности, где важно договариваться о целях и достижении определенных результатов. Эти встречные процессы чаще всего соединяются в инновациях [3, с. 115–116], но уходят корнями в традиции. Э. Уилсон вводит понятие «культурного гена» и наделяет его эпигенетическим смыслом. Даже знание он рассматривает как инструмент биологического существа, его специфический орган, развитие которого преобразует все телесное в человеке [4].

Уравновесить неопределенность «общества риска» могут культурные установки, в частности связанные с отношением людей к труду, соотносящиеся с традицией, без учета которой ни один модернизационный процесс не будет успешен. Так, для России всегда был традиционным коллективный труд. Идеи «соборности» в царской России, идеи советского коллективизма – яркое тому подтверждение. Чувства взаимопомощи и справедливости, лежащие в основе коллективного труда, являлись действенными механизмами на пути хозяйственных преобразований.

Общества и страны, которые творчески сочетают традиции и инновации, довольно успешно двигаются по пути модернизации. К таким странам относится современный Китай. Страна осуществляет процесс развития, соблюдая традиции, ценности, а также идеи культуры. В то же время в XX в. в процессе модернизации меняются традиционные культурные основания начавших индустриализацию регионов. Постепенная модернизация отдельных регионов с последующим переносом положительного опыта на остальные регионы – взвешенность и корректировка действий выгодно отличают такую стратегию от взрывоопасных результатов шоковой экономической политики. Соблюдение разумного баланса старого и нового представляет особенность китайской модернизации, сочетающей заимствования передового опыта как Запада, так и Востока, ориентирующего на соблюдение национальных целей, многообразие и поиски собственных методов их достижения.

Китайская модернизация, не порывая с прошлым, как это зачастую происходит в России [5], и руководствуясь китайской идентичностью, процессуально связывающей старое и новое, достигает нового витка модернизации не преимущественно за счет политических реформ, а путем изменений в хозяйственной жизни наиболее готовых к этому провинций [6, с. 101]. В.Г. Федотова приводит мнение профессора Йельского университета И. Селеньи о том, что в Восточной Азии наблюдается «капитализм снизу», т. е. хозяйственные навыки в Китае делают население активными предпринимателями. Государство играет важную роль в создании и регулировании капиталистической экономики, но основой модернизации является все же само население.

«Капитализм сверху» произошел в посткоммунистических странах Восточной Европы и России. Это был ускоренный переход к капитализму. Радикализм сознания, разрыв с традициями в хозяйственных преобразованиях наряду с другими причинами (развал СССР, потеря хозяйственных связей с его бывшими республиками) внесли разлад в общество, парализовали инициативу населения, замедлили темпы роста экономики. В 1990-е гг. в России была предпринята попытка догоняющей модернизации без предпосылок хозяйственной активности масс (которые в течение 70 лет воспитывались в идеологии осуждения частной собственности и хозяйственной инициативы как буржуазных пережитков).

«Капитализм извне» строился в странах Балтии, Венгрии, Чешской Республике иностранным капиталом и транснациональными корпорациями. В этих странах позитивно восприняли либеральный капитализм, выросший из политических перемен и соответствующих им хозяйственных навыков. Однако сегодня многие страны, следующие этим путем, находятся в зависимости от Европейского союза, препятствующего осуществлению их национальных интересов [7].

Учитывая вышесказанное, возникает важный вопрос: каковы должны быть ценностно-мировоззренческие предпосылки модернизации, в рамках которых видится и оценивается настоящее, прошлое и будущее России?

Следует согласиться с Г.Ю. Канаршем [8, с. 18–19], который приводит результаты исследования ученых Центра динамического консерватизма (руководитель – В.В. Аверьянов). Учитывая российскую социокультурную специфику, они предлагают традиционную российскую концепцию высокоэффективного хозяйственного механизма – производственную (предпринимательскую) артель. Именно в артели выражались поисковое начало, народное предпринимательство, социальное творчество, мастерство и предприимчивость. Просматривается аналогия между русской артелью и бригадным подрядом в СССР. Идеи сотрудничества и взаимопомощи оказываются востребованными сегодня также в новейших западных теориях по командообразованию в современных корпорациях, в которых, подобно артели, команда «понимается как “живая структура”, способная к самоуправлению и самоорганизации». Это гармонизация отношений в социальном организме, которая оказывается созвучной русскому национальному характеру и идеям новой современности. Кроме того, ученый обращает внимание на национально-психологические

предпосылки повышения качества трудовых мотиваций и социальной справедливости в общественно-политическом устройстве, которые, как показывают исследования, в настоящее время востребованы как никогда в российском обществе [9, с. 18–19].

Идея справедливости может стать стратегией государства, действующего в интересах трудового большинства населения и ставящего своей целью создание общества социальной справедливости и подлинного социального государства.

Коренной вопрос, который предстоит решить России, заключается в том, состоится или не состоится ее переход на национальный (цивилизационный) путь развития. Но в любом случае и в настоящее время теоретически сохраняется возможность совершения такого перехода. Возрастающее давление на власть как слева, так и со стороны консерваторов – защитников исторической традиции, трезвая оценка самой властью внешних угроз, негативно сказывающихся на темпах и результатах экономического развития страны, могут привести к появлению новой идеологии развития и к давно ожидаемой смене стратегической перспективы для России XXI в. [10, с. 36].

Соглашаясь с Н. Бердяевым, который пишет в работе «Судьба России», что «Россия – самая не буржуазная страна в мире», считаем, что именно поэтому идеи социальной справедливости найдут в ней своих последователей быстрее, чем в любой другой стране мира. Именно эта стратегия должна стать приоритетной на дальнейшую долгосрочную перспективу развития.

Концепция догоняющей модернизации не должна быть доминирующей стратегией в российских преобразовательных реформах. Это ориентирует на поиск взаимодополняемости разных социально-экономических моделей – традиционных и модернизационных с учетом особенностей российской национальной культуры и требований современного российского общества.

Традиция – это механизм функционирования культуры, система связей настоящего с прошлым, залог преемственности поколений. Культурная традиция выступает как часть традиции социальной, как реализация институциональной стороны общественной жизни. Она воплощается в социальном строе и реализуется в культурном контексте.

Ссылки:

1. См., например: Данилова М.И., Путилина Л.В. Традиции и инновации в образовании как диалектическое целое // Казанская наука. 2013. № 7. С. 130–132.
2. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М., 2000.
3. Шавель С.А. Дерзание риска: философские и социологические аспекты инноваций // Философские науки. 2016. № 7. С. 109–121.
4. Wilson E.O. Sociobiology: The New Synthesis. Cambridge (Mass.), 1975. 697 p.
5. См. подробнее: Данилова М.И., Анастасов В.Д., Побегуца А.В. О радикализме в решении крестьянского вопроса в России [Электронный ресурс] // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета (Научный журнал КубГАУ). 2012. № 05 (79). URL: <http://ej.kubagro.ru/2012/05/pdf/36.pdf> (дата обращения: 09.06.2017).
6. Федотова В.Г. Модернизация Китая и ее уроки для России // Философские науки. 2015. № 1. С. 99–115.
7. Там же.
8. Канарш Г.Ю. Труд и экономическая культура в контексте российской модернизации // Философские науки. 2015. № 10. С. 9–22.
9. Там же. С. 18–19.
10. Шевченко В.Н. Значение исторического опыта современного Китая для России и других государств-цивилизаций // Философские науки. 2016. № 8. С. 23–39.

References:

- Beck, U 2000, *Risk Society. Towards a new modernity*, Moscow, (in Russian).
- Danilova, MI, Anastasov, VD & Pobegutsa, AV 2012, 'Radicalism in solving the peasant problem in Russia', *Politematicheskij setevoy elektronnyy nauchnyy zhurnal Kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta (Nauchnyy zhurnal KubGAU)*, no. 05 (79), viewed 09 June 2017, <<http://ej.kubagro.ru/2012/05/pdf/36.pdf>>, (in Russian).
- Danilova, MI & Putilina, LV 2013, 'Traditions and innovations in education as a dialectic whole thing', *Kazanskaya nauka*, no. 7, pp. 130-132, (in Russian).
- Fedotova, VG 2015, 'Modernization of China and its lessons for Russia', *Filosofskiye nauki*, no. 1, pp. 99-115, (in Russian).
- Kanarsh, GYu 2015, 'Labor and economic culture in the context of Russian modernization', *Filosofskiye nauki*, no. 10, pp. 9-22, (in Russian).
- Shavel, SA 2016, 'Risk daring: philosophical and sociological aspects of innovation', *Filosofskiye nauki*, no. 7, pp. 109-121, (in Russian).
- Shevchenko, VN 2016, 'The significance of the historical experience of modern China for Russia and other states-civilizations', *Filosofskiye nauki*, no. 8, pp. 23-39, (in Russian).
- Wilson, EO 1975, *Sociobiology: The New Synthesis*, Cambridge (Mass.), 697 p.